

Л. Ю. Фёдорова
ШАЛЬНЫЕ КАЧЕЛИ

Я б последний костёр

Я б последний костёр разожгла у таёжной реки,
Что шумит, беспрестанно играя в камнях перекастов,
Где мы солнце закатное в воду сронили с руки,
Словно мячик, с тобою рекою любясь когда-то.

Где от берега, в сопку взбираясь, уходит тайга,
На закатах в макушках зеленых огнём полыхая,
Где, похоже, до нас очень редко ступала нога –
Лишь бродягам сибирским ложилась дорога лихая.

Километры пройдёшь и не встретишь людского жилья,
Лишь покойники редкие спят в берестовой постели,
Лишь схороны охотничьи, крытые дранкой корья,
Глаз встречает в пути, под встревоженный крик коростеля.

Я б хотела последний костёр развести по весне,
Когда всё, обновляясь, красой первозданною дышит,
И купаясь в реке, улыбалось бы солнышко мне,
А об осени нашей – другой свои строчки напишет.

Прощание лета

Еще август не грянул, а лето сказало: «Прощай!
Пошалило немного июньско-июльской жарою,
Загостилось я нынче, на запад спеша, невзначай,
Заигралось слегка, побороться решив с мерзлотою.

Отдыхая от гроз и дождей на суровой земле,
Вдоволь гладило солнце, сушило, палило и грело,
Из ледовых оков вызволяя, кто был в кабале,
Одарило с лихвой, тепло щедро даря, пожалело.

Август мне ни к чему, без сомнений отдам золотой,
Что на смену спешит, всех смущая печальной красою,
Боль утраты, под пышным убранством неся за собой,
И готовность пасть ниц пред грядущей хозяйкой седою».

ШАЛЬНЫЕ КАЧЕЛИ

Городские зарисовки

Жара за тридцать. Марево из пыли
Над знойным городом висит.
Поникнув саженцы застыли,
Как будто мокрые на вид.

Фонтан над озером расплескан,
Над Теплым – солнца белый шар,
Моста потрескивают доски,
Шатром прикрылся летний бар,

У стойки вентилятор крутит,
Не разгоняя духоты,
Со льдом коктейли тянут люди...
Якутск – край вечной мерзлоты.

Город пропылился, посерел, поблек
Будто длится пекло не июнь, а век.

Мерзлота сдается, глубже отступает,
А фундамент зданий пляшет, проседает.

По асфальту оспины, да прыщи, да
шрамы –
Хонды и Тойоты разбивают рамы...

У домов болотце вглубь и шириь растёт.
Выдюжил шиповник, только не цветёт.

На протоках ленских сотни голых тел,
Каждый подкопился, каждый покраснел.

Разогнав все тучи, ветер сам утёк,
Отыскав укромный дальний уголок.

Шальные качели

Из крайности в крайность – от смеха к рыданию,
К тоске беспросветной с веселья хмельного,
От всёразрушительства вдруг к созиданью
И вновь повторяя всё снова и снова...

От встречи к разлукам, от горя да к счастью,
От скорбных поминок да в пляс под тальянку,
От роли раба к наделённости властью –
Всё вдруг вверх тормашками, всё наизнанку...

От взлётов к паденью – шальные качели...
От тихой покорности к бунту народа
И к новым потерям того, что имели...
Из крайности в крайность и жизнь, и погода...

ШАЛЬНЫЕ КАЧЕЛИ

А дождик всё мочит и мочит.
Озябла душа и промокла,
А он прекращаться не хочет
И бьет с новой силою в окна.

Ну что ты, как дробь барабана.
Стекло дребезжит от ударов.
Мне в душу стучишься незванным –
Послушай, совсем мы не пара.

Погодь, отдохни хоть немного,
Дай солнцу сквозь тучи пробиться,
В шатре золотистого стога
Душе моей дай просушиться.

Июньское утро

Лишь сумрак отойдёт, рассвет забрезжит,
И комариный звон возобновится,
Стрижей десяток с криком воздух режет,
В подлеске гомон поднимают птицы.
Рассвет, полоской тлея на востоке,
Вдруг пламенем взметнувшись, солнце явит,
А жаворонок высоко в восторге
Встречает день и звонкой песней славит.
И тянет влагой пряной из низины.
Пока еще предутренние росы
Тяют все ароматы луговины
Без терпкости июльского покоса.

Ранимость Севера

Печалью полнятся просевшие низинки,
То молча тают вековые льды и льдинки.

Где мерзлота, прогнувшись, отступает,
Камыш ордой заполоняет рощи.
Смирившись с поражением, не ропщет,
Березовое племя вымирает.

Ещё сосновый бор «Не отступлю!»
Пытаясь выстоять, желтеет тихо,
Не осознав, какое вторглось лихо,
Сдаёт ветрам колючую хвою.

Стояли сосны зеленея век,
Хоть их порой рубили и пилили,
А тут перед болотом отступили,
Что породил бездумно человек.

Медведица

Из влажного пахучего тепла,
Свалив валежник под ледовой шапкой,
Она на свет погодков повела
Походкой неуклюжею и шаткой.

Счесав с себя свалявшуюся шерсть
О ствол сосновый, поводя боками,
Обнюхала, что можно будет съесть,
И рыкнула, следя за сосунками.

Вот лапою досталось пестуну,
Что с малышами расшалился очень.
Всех медвежат загнала на сосну,
Заставила пройти средь мокрых кочек.

Устав с прогулки первой, после сна,
Семейство к ночи привела в берлогу.
Но утром вновь настойчиво весна
Её будила и звала в дорогу.

Язычица, молюсь своим богам,
Что от корней ко мне пришли когда-то:
Речной воде, лесам по берегам,
Ветрам и солнышку, земному брату,

Что из пещер ещё набраться сил
И поклониться яркому светилу
Перед рассветом к речке выходил
С почтеньем ко всему, что рядом было.

И славил дождь, и снег, и облака,
Что стайкою над головой летели,
И сетовал, но только лишь слегка,
Когда неурожай, когда метели.

Вдруг заматали все вокруг следы,
И зверь скрывался по своим берлогам.
Ждал новых дней без горя и беды,
Не поддаваясь жизненным тревогам.

И терпеливо ждал зимой – весну,
Зерно с поклоном высевал весною.
Бросая сеть, молил помочь волну,
Советуясь и солнцем, и с луною.

Он мне с корнями передал богов
В душе, к которым я всегда с мольбою
Хранить в веках и веру, и любовь,
И в мире жить всегда сама с собою.

Ну, разве не ясно, вам разве не ясно?
Я часто меняюсь, бываю я разной.
Бываю строптивой, воинственной, злобной,
Бываю покладистой, шёлку подобной,
Заботливой, нежной и взрывоопасной –
От Бабы-Яги до Елены Прекрасной.

Портрет это мой, здесь как в зеркале я,
Мой истинный нрав и вся сущность моя.
И строго за это не стоит судить –
Природой дано мне ведь женщиной быть.

К В.П.

Истреплет в клочья. Вам ли, милый друг,
Не знать коварства одинокой ночи.
В полон бессонница захватит вдруг
И до рассвета отпустить не хочет.

Душа, безмолвствуя в тиши ночной,
Дрожит, снедаема тоской-печалью,
Готова всё отдать за непокой...
Вновь свечи жжёшь, чтоб с легкой гарью

Смешался запах чая, сигарет,
Бумаги старой сокровенных писем,
Что наизусть читаешь столько лет,
Что до святой реликвии возвысил.

Когда к рассвету свечи истекут,
Остатки фитилей, чадая, угаснут,
Души лохмотья собираешь в гугут,
Чтоб жить, себя не чувствуя несчастным.

Заброшенная деревня

Горбыли крестом лежат на окнах,
Не струится из трубы дымок.
В темных сенцах, с тишины оглохших,
Не услышишь «Я ждала, сынок»...

Изгороди, сгнившие жердины
Да бурьян, крапива, лопухи...
И на зелень летней луговины
Не гоняют стадо пастухи.

Тишина, следы дождями смыты,
Петухи утрами не поют,
Диким хмелем избы перевиты,
В них печаль нашла себе приют.

Да травой высокой на погосте
Ветер налетевший шелестит.
К холмикам никто не ходит в гости,
Здесь никто родных не навестит.

В ночи волчий вой, как морозом по коже.
Тоскливо тебе, мой дружище? Мне тоже!

Ты, друг, одинок, и в морозную ночь
Укрыть от тоски тебя просишь помочь.
На землю глядит равнодушно луна,
Под ней ты один и я тоже одна.
Лишь блики играют в пушистых снегах,
А каждое слово в рождённых стихах
Похоже на волчий пронзительный вой.
Тоску одиночества делим с тобой.

Диск полной луны лишь взойдет над землею
Вновь вторю стихами я волчьему вою.

Слова твои спугнули вновь надежду –
Синицу, что сидела за окном.
О нашем будущем уже не грежу,
Готовя к встрече гостя старый дом.
Задёрнув шторы, разгоняю тени,
Включая по квартире яркий свет –
Пусть за окном играет день весенний,
От одиночества спасенья нет.

Не замути прозрачности воды
Попытками вступить в неё вторично.
Любовь ушла, остались лишь следы,
Мы ей не дали перейти в привычку.

Не замути прозрачности звезды,
Что нам любви тропинку освещала.
Любовь ушла, не привнесла беды,
И ни к чему всё начинать сначала.

Не возвращай её! Позволь уйти.
И памяти о ней не замути.

Озерную чашу рогоз окаймил
И мечет игривые стрелы.
Из ирисов синь по болотам пролил
Якутский июль очумелый.

Приникли берёзы в полуденный зной,
Лепечут зелёные листья.
И прячет заботливо в полог лесной
Смородина черные кисти.

И яркостью шляпок, сбивая с тропы,
Заманят туда, где прохладу
В тени и во мхах отыскивали грибы,
С кустами пристроившись рядом.

Румянит под солнцем брусника бока,
Бок белый припрятав искусно.
Среди изумрудов играют слегка
Рубино-красные бусы.

Старому шаману

Ты слеп и сед, и немощен иссохшим телом.
Как слепок восковой рука, что невесома.
Подрагивают сморщенные губы, белым
Стал чёрный волос твой и ломким, как солома.

И бубен твой давно в углу лежит устало,
И угли в камельке, не грея, дымно тлеют.
По урасе простывшей изморозь упала,
И в чашке старой чай не выпит, леденеет.

Старик! Давно молчит твой неразлучный бубен,
Прогнать злых духов ты и от себя не в силах,
А голос слаб твой стал и больше не разбудит
Живых, не потревожит мертвых в их могилах.

Алас уже не огласит камлание шамана.
Уходишь в нижний мир, как все туда уходят –
Без провожатых, покаянья, без обмана –
Туда, где души неприкаянные бродят.

Заговоренный ключ

Заговоренный ключ из-под земли –
Влюбленным в помощь чистая водица.
В ней сила есть для счастья и любви,
И стоит только в той воде омыться...

К ключу я загодя с ведром схожу
И баньку жарко протоплю к приходу.
Туда сама за руку провожу,
Тебе ни слова не сказав про воду.

Проказница весна

Весна-проказница опять сердца стучать
Быстрее заставила и весело хохочет.
Влюбляться вновь, надеяться и ждать.
И даже старый пень весною хочет
Зазеленеть, опять помолодев,
И снова став кудрявым клёном,
Услышав листьев на ветру напев,
В рябинки и берёзки быть влюблённым.
Весне смешно, весна опять шалит –
Стрелой любви вокруг сердца пронзает,
И даже в сердце, что порой болит,
Мечта с капелью тоже оживает.

Осенний ветер

Безутешен ветер, безутешен.
Плачет в роще, где туман упал,
Кается, что был бездумно грешен
И листву с молодых берёз срывал.
Им теперь под снежным покрывалом
Робко прятать оголенный стан.
Ропщет, что прозрачно небывалым
Хоровод молодых березок стал.
Безутешен ветер и печален,
Завывает, плен тумана рвёт,
Но последний лист сорвав случайно,
Кружит в роще, плачет, зиму ждёт.

ШАЛЬНЫЕ КАЧЕЛИ

На птичьем дворе...

В весенний полдень полон птичий двор.
Павлин пред курами своим хвостом метет.
То веером расправленный убор,
То в профиль повернувшись, соберёт.

Павлин пред птицами, весь из себя,
Гусак и селезень пред ним бледнеют.
Индюк пыхтит, его не возлюбя,
Пеструшки с утками в восторге млеют.

А венценосный, с царственным хвостом,
Вниманием польщён, запеть собрался –
Сравниться с деревенским петухом,
Но песни нет, уж как бы не старался

Внимание привлечь, коль веер хвост,
Павлин способен – это не секрет.
И пусть наш кочет перед ним и прост,
Но песней может разбудить рассвет.

А вывод басни тоже очень прост –
Чтоб песни петь, не важен пышный хвост.

Разговор с осенью...

Что ж ты, осень, рано распрощалась,
Лист последний сбросить поспешив?
На душе осадком только жалость,
Что ушла дождями затопив.

И в рыданиях горького прощанья
Позолоту заменила ржа,
И берёзы предрассветной ранью
В инее серебряном дрожат.

Ты октябрь встречаешь снегом белым,
А Покров еще недели ждать.
Но снежинки роем огалтелым
Землю кроют, чтоб уже лежать.

До весны, до мартовской капели,
Зеркала огромных луж покрыв,
Улетела с первою метелью,
Сентября промокий образ скрыв.

А ведь обещала золотую
Красотою успокоить душу мне.
Мелкий снег кружит над головою
Холодом прощанья по спине.

Старинные часы

Дом сонно тих, в квартире ни души...
И тишина в силки раздумий ловит.
И, кажется, что время не спешит,
Бессоннице моей не прекословит.
В часах старинных маятник-чудак,
Клонируя движением минуты,
Ехидно шепчет тики, тики, так,
Суля любовь и преданность Иуды.
Но с хрипотцой отбив ушедший час,
Часы о быстротечности напоминают...
Нить оборвав, что связывает нас –
Тех, кто ушел уже, и тех, кто помнит.

О стихах

Уже не здесь, хотя ещё не там...
Стою непрочно, но и не взлетела.
Пусть слышится уже «За всё воздам!»,
Душа ещё цепляется за тело.

А вдруг мерещится, что я живу,
Но, а душа уже туда стремится,
Пока делю зерно и полову,
Перебирая жизнь, когда не спится.

И боль души пытаюсь превозмочь,
Я по ночам в стихах ищу забвенья.
Слова сплетаю, коротая ночь,
В чужих стихах ищу отдохновенье.

Слегка дрожит неверный свет свечи,
Душа трепещет, впитывая фразы.
И фразы лечат лучше, чем врачи,
Не предавая никогда, ни разу.

Музыка ночи...

Луна размыла неба синий глянец,
Что отразился в зеркале озёрном,
А легкий ветерок затеял танец
По той дорожке, медленный и томный.
Играют блики на озёрной ряби,
Как светомузыка воды и неба,
И даже шорохи в прибрежной хляби
Ее законам подчинились слепо.
Созвучно ритму лопаются глухо,
Со дна взбегая, пузырьчики газа.
В такт музыке ночной, уловит ухо
Шаг выпи, что в ночи не виден глазом,
Возню мышей средь поросли рогоза
И шелест листьев в роще у откоса,
И скрип колес нагруженного воза,
К ночи в село спешащего с покосов.

Пойдем друг друга...

Под бормотанье старого шамана,
За поисками правды и обмана,
Горящего костра дымок глотая,
Спокойствие души приобретаю.
Не верю в колдовство, но за обрядом,
За каждым жестом и за каждым взглядом
Магическая сила старины.
Уже на жизнь смотрю со стороны,
Как будто бы не я, а кто другой
Мной проторённою идёт тропой,
Как я, теряет что-то и находит,
Как я, порой во тьме на ощупь бродит,
И так же любит, так же ненавидит,
Скрываясь в скорлупе, когда обидают.
Мы с ним когда-нибудь поймём друг друга
И путь найдём из замкнутого круга.

Не мне...

Две головни не вспыхнут жарко — только тлеют,
Два одиночества привычных не сведёшь,
Слов не найдёшь, коль губы цепенеют,
Не встретить счастья, коль его не ждёшь:

И ни к чему теперь ходить кругами,
Вокруг да около, не зная, что сказать.
Остывший пепел не согреть руками,
А из сумы порожней ничего не взять.

Не вспомнить слов из позабытых песен,
Не зазвучать оборванной струне.
Дом одиночеств двух безрадостен и тесен
И не влечет теплом в зашторенном окне.

Не мне перед Ним каяться
И кары Его бояться,
Виною перед Ним маяться
И в пол перед Ним склоняться.
Не мне отвечать взаимностью
И веры вскрывая склеп,
Поверить в его невинность
За то, что Он глух и слеп.
Не я окроплю слезами
Его золоченый храм,
В поклонах пред образами
Не я ему клятвы дам.
Не буду его заложницей
(Я верую в совести суд)
Из страха, что все безбожницей
При этом меня назовут.

Душа болит

Душа болит. Когда и отчего?

Когда тебя друзья не понимают,
Когда воспоминанья донимают,
Когда сбежать готов ты от всего.
Укрыться от тоски и от обид,
Отыскивая щель, в неё забиться
И темноты покровами укрыться,
Дав передышку ей, когда болит.
Когда свет сзади, сумрак впереди,
Когда мечта бескрыла и ущербна.
И точно бьёт по оголенным нервам
Живой комок, трепещущий в груди.

Когда беззвучными рождаются стихи,
Когда слова горчат, горчат и вянут,
На лист падут, но строчками не станут,
Как наказание за твои грехи.
Когда без слёз рыдаешь в тишине,
А одиночество когтями держит,
Убив надежду, что еще забрезжит
Весенний луч в заснеженном окне.

Ей не хватает света и тепла,
И места на земле ей не хватает.
Болит она, болит и улетаёт,
И возникает новая звезда.

ШАЛЬНЫЕ КАЧЕЛИ

Зимние отголоски

Перешагнув последнюю черту,
Прощаешь всех, себя простить не смея,
За те обиды, что в душе копил.
Прощаешь всех за всё, о чём забыл.
И лишь себя простить куда труднее
За одиночество своё среди друзей,
За возведенные перед собою стены,
За счастье, что отправлено в музей,
За страх при ожидании перемены,
За хмарь души, за сердца холодок,
За дней, тоской отравленных поток,
Поблекший, потерявший красоту,
В котором тщательно топил мечту.

Июньское...

Без ветра, прямо, словно комья ваты,
Летят к земле на листья и цветы
Скопленные капель и снежинок смятых.
И вот уже зелёные кусты
К земле пригнулись низко, словно прячут
Бутонов уязвимость от стихии
И выставляют кверху, на удачу,
Под комья снега веточки сухие,
Сберечь стараясь нежных деток малых,
Надеясь обмануть и обмануться,
Прикрывшись белоснежным покрывалом,
Уснуть под ним, а поутру проснуться.

Летняя ночь...

К ночи сумерки вползли в квартиру,
Сделав тишину густой и зримой.
Старый кактус с профилем сатира
Будто тихо шепчет чье-то имя.

Сквозняком с окна под дверь входную
От костров вечерних дымом тянет,
Сумрак в сизой тишине колдует
До поры, пока луна не встанет.

Серебрится небо, сонным пеньем
Ветер наполняет сосен кроны,
То легко встряхнула опереньем
Птица-ночь над островком зелёным.

Покрывалом снов взмахнув небрежно,
У всего живого веки смежит.
Засыпает мир светло и нежно,
Только псы вдали чуть слышно бредут.

Земляничный вечер

На ладони млеет земляника,
В ожиданье губ касанья млеет.
И костер заката слабо тлеет,
И крадется ночь, как кошка, тихо.

Таает вечер, словно мёд тягучий,
Ветер заползает сонно в травы,
Звёзд глаза, как в щелку, из-за тучи
Смотрят на любовные забавы.

Поцелуи с соком вперемешку
Ароматных ягод переспелых.
На пирующих глядит с усмешкой
Серебристый месяц в перьях белых.

Густеет набегающий туман,
Осыпав влагой теплые листья.
Лесная речка до утра в карман
Припрячет отсыревшие кусты.

И даже пережат, устав ворчать,
Лишь шепчет, утонув в тумане.
Луна на небе желтую печать
На сине-звёздный выставит пергамент.

Накроет ночь звенящей тишиной
Гольцов вершины, сонные распадки.
И скрывшись за туманной пеленой
Играет лето до рассвета в прятки.

Приглашение

Ты хочешь, уведу тебя в леса,
Чтоб показать красу родного края,
Где на закатах рдеют небеса,
И где ручьи поют, не замолкая.

А на опушках утром глухари
Самозабвенно, все забыв, токуют,
А ночью от заката до зари
Кукушки дружно в перелив кукуют.

Пойдем, я уведу тебя в луга,
Что серебром покрыты ночью белой,
Где пряно пахнут свежие стога,
Опушки манят земляникой спелой.

Без ветра там дрожит осины лист,
И сизый дым кострища горько-сладок,
А берег речки девственен и чист,
Туман ночной спускается в распадок.

И где звенят устало комары
В траве порой полуденного зноя,
Где чай с костра со слоем мошкары,
Как будто бы подернутый золою.

Дай руку мне, и мы уйдем туда,
Где мать-природа очищение дарит,
Оставив хоть на время в городах
Те камни, что на души наши давят.

Город

Кварталы городские шумно глухи,
Подъезды отрешенно молчаливы.
Шуршащие, скребещущие звуки,
На крик любой примолкшие трусливо.
Дворы, пропахшие автомобильным чревом,
Собачьей псиной и помойным смрадом,
И пропылённым, прокопченным небом,
И запахом болот, гниющих рядом.
Вокруг лишь озабоченные тени.
Их много. И шуршат, шуршат, как мыши.
Где я, что я, зачем? И я в смятенье...
На крик срываюсь, но никто не слышит.
Крикливые витрины магазинов,
Аляповато яркая реклама,
Дороги битые, жующие резину,
И голос, гаснущий среди людского гама.
И масса серая, спешащая по норам,
Что рядом обтечет и не заметит
Смотрящую с обидой и укором
С надеждою, что кто-нибудь ответит...

Берёзовый листок

Внезапно ветра уловив поток,
Легко и яркой бабочкой порхая,
Лег на плечо сорвавшийся листок,
Без сожалений ветку покидая.

Лег невесом, но налетела грусть –
Он только первый вестник увяданья.
Щекой к прохладе золотой прижмусь,
Предвидя и разлуки, и прощанья.

Круги на воде...

По силам ли остановить волну,
Чтоб мой песчаный замок не размыва,
И время повернуть, вернуть что было,
И не гнетущей слышать тишину...
Пить одиночество, как дар небес,
Как время созерцанья и раздумий...
В поток врезаюсь равнодушных мумий,
С поднятой головой нести свой Крест.
По силам ли... и отыскать их где?
Все чаще день прошедший не тревожит,
И день грядущий взволновать не может.
Жизнь, как круги от камня на воде...
Вот разбежались. Смыв песчаный храм,
Волна пришла, ударившись о берег...
Хотя душа еще и ждет и верит –
Открыта и надежде, и мечтам...

Нет, не звон с колоколен, лишь вздох –
Ветер колокол тронул порывом.
С болью вскрикнул и сразу заглох
Крик отчаянья чей-то с надрывом.
Это с ветром летела душа,
Прощаться со всеми хотела,
Далеко, к ярким звездам спеша,
Покидая и землю, и тело.
Гул пойдет и разбудит округу,
Медный страж на прощанье ожил,
Но, а жизнь все по кругу, по кругу,
По привычке, пока хватит сил.